ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

7 1988

В ЗАЩИТУ ЗУБРА И ЗУБРОВ

О. ГУСЕВ,
кандидат биологических наук

В этом номере журнала мы перепечатываем статью Н. В. Тимофеева-Ресовского «Человек и биосфера», о содержании которой хорошо и емко сказал доктор физико-математических наук Ю. М. Свирижев: «Это же готовая программа современной глобалистики, концептуальная модель биосферы» («Наука и жизнь», № 2, 1988).

Генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский был известен биологам многих стран мира, а после выхода в свет повести Д. Гранина «Зубр» («Новый мир», № 1, 2, 1987 и два отдельных экспресс-издания) стал знаменитым и в своем отечестве.

В повести «Зубр» Д. Гранин рассказал о человеке сложной и запутанной судьбы, о выпавших на его долю тяжелейших испытаниях. Командированный для работы в совместном германо-советском институте Кайзера Вильгельма под Берлином, Н. В. Тимофеев-Ресовский (Зубр) сперва из-за начавшихся у нас гонений на генетиков, затем массовых репрессий времен сталинщины долго не мог вернуться на Родину, но, даже и после того как в Германии к власти пришли нацисты, не отказался от советского гражданства, не принял предложенное ему немецкое подданство, не утратил чувства долга, чести и достоинства.

С Н. В. Тимофеевым-Ресовским мне довелось работать в лаборатории Биофизики Уральского филиала АН СССР, жить в одном доме на биостанции «Миассово» и почти ежедневно встречаться и беседовать в течение двух летних полевых сезонов в 1961 и 1962 годах. Полагаю полезным, прежде чем познакомить читателей со статьей «Биосфера и человек», сказать об ее авторе несколько слов.

С начала периода гласности и перестройки прошло совсем немного времени, но мы вдруг увидели, что «жив курилка», что наш большой и могучий народ даже в самые трудные годы удушья и застоя не оскудевал талантливыми людьми, был полон неистребимой духовной силы.

После волны деревенской прозы, давшей произведения не только значительные, но и совершенно замечательные, пришел новый «девятый вал» прекрасной русской литературы, которой, по словам И. А. Бунина, всегда были свойственны «глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота». И нет ничего удивительного, что читательские симпатии последних лет отданы этим долгожданным и дорогим посланцам с «других берегов» и «из сундука литературы».

Ко многим славным произведениям, прорвавшимся сквозь короткий период «оттепели» времен Н. С. Хрущева, присоединились творения Н. Гумилева, В. Набокова, Б. Зайцева, В. Ходасевича, Б. Пильняка, Е. Замятина. Теперь все, кто захочет, могут открыто и свободно читать «Реквием» А. Ахматовой и «По праву памяти» А. Твардовского, «Котлован» А. Платонова и «Собачье сердце» М. Булгакова. Огромную работу по демократизации нашего общества производят «Новое назначение» А. Бека, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Мужики и бабы» Б. Можаева, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана.

Сотрудники лаборатории Биофизики Уральского филиала АН СССР Н. В. Куликов, Н. М. Макаров, Н. В. Тимофеев-Ресовский, О. К. Гусев (слева направо) на балконе «Корпуса» (1962 г.). Н. В. Куликов, Н. М. Макаров и О. К. Гусев, помимо научных исследований, выполняли — на общественных началах — обязанности зав. полевой группой, обеспечивая всю жизнедеятельность биостанции Миассово. Это давало возможность Н. В. Тимофееву-Ресовскому заниматься исключительно научной работой.

В этом ряду повесть Д. Гранина «Зубр» заняла свое, особое место. Будучи повествованием документальным, «Зубр» вышел на одно из первых мест на читательском конкурсе художественной литературы.

На вопрос «Литературной газеты» — «Что из прочитанного в 1987 году особенно запомнилось?» — многие ответили: «Самая сильная вещь из прочитанного — «Зубр».

Высокую оценку повести и ее главному герою дали профессиональные критики, литераторы, ученые, но в печати появились и иные отклики. Зная о раскладе противоборствующих литературных групп, негативное отношение к произведению Д. Гранина можно было предвидеть. Но вряд ли ученые ожидали, что публикация повести вызовет настоящую травлю ее главного героя — Н. В. Тимофеева-Ресовского.

Сигнал к началу охоты на Зубра, если я не ошибаюсь, был подан статьей А. Казинцева «Лицом к истории: продолжатели или потребители» («Наш современник», № 11, 1987). Автор статьи пишет: «Из других источников узнаешь, что в институте Кайзер Вильгельма, где работал Зубр, особое внимание уделялось евгенике — науке, которую фашисты пытались использовать для обоснования и практического воплощения своих бредовых расовых теорий. Тимофеев-Ресовский как будто не принимал участия в подобных программах. Однако полученные им результаты могли использоваться и без его ведома».

Логика по меньшей мере странная. Ведь и достаточно смышленому школьнику должно быть ясно, что если Зубр «не принимал участия в подобных программах», то и результатов быть не могло и, следовательно, ими не могли воспользоваться без его ведома.

К облаве на Зубра подключился и В. Бондаренко («Москва», № 12, 1987). Предупредив читателей, что с биологами он незнаком, о Зубре подробно читает впервые и что всю информацию получил из повести Д. Гранина, он любопытствует: «Интересуюсь... сотрудничал ли, по мнению Д. Гранина, Зубр с нацистами или нет? ... Входила ли в круг научных интересов лично Тимофеева-Ресовского или Кайзер Вильгельм института в целом евгеника — наука об улучшении человеческой расы?»

По мнению Д. Гранина, Зубр с нацистами не сотрудничал, он всегда оставался на стороне антифашистов, в чем не мог не убедиться В. Бондаренко, так как повесть не оставляет в этом ни малейшего сомнения. Если бы «любознательности» В. Бондаренко хватило на ознакомление хотя бы с Большой медицинской энциклопедией (т. 8, М., 1978), он был бы весьма раздосадован. «Евгеника,— сообщает это авторитетное издание,— учение о предупреждении возможного ухудшения наследственных качеств человека, а в перспективе — об условиях и методах влияния на совершенствование этих качеств... Перед евгеникой ставились самые гуманные цели».

В настоящее время в США и СССР начала осуществляться программа «Геном человека». Человечество очень надеет-

ся, что она поможет ему избавиться от многих страшных болезней.

«Надо ли говорить,— пишет в журнале «Коммунист» (№ 14 за 1987 г.) С. Дьяченко,— что советская генетика ничего общего с расизмом не имела. Но Лысенко и его приспешники обвинили наших ученых в связи с фашизмом, а также приписали им извращения евгеники и социал-дарвинизма... В условиях второй половины 30-х годов это была, конечно, целиком демагогическая, но точно рассчитанная политическая провокация, имевшая тяжелые последствия».

Один из приспешников Лысенко, активнейший участник этой политической провокации И. Е. Глущенко на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. назвал Н. В. Тимофеева-Ресовского «нашим заклятым врагом» («О положении в биологической науке». Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии с/х наук им. В. И. Ленина. 31 июля — 7 августа 1948 г. Огиз—Сельхозгиз, М., 1948). А в это время Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, едва живой, почти ослепший, недавно выйдя из лагеря, находился в ссылке.

В. Бондаренко опоздал всего на несколько десятилетий. И евгеника, и генетика, и кибернетика, и много других «етик» давно уже не числятся в «продажных девках империализма», а верой и правдой служат не только всему человечеству, но и нашему народу.

В статье «Необоснованные обвинения» академик В. Струнников, член-корреспондент АН СССР А. Яблоков и доктор физико-математических наук В. Иванов отвергли все «бездоказательные обвинения» В. Бондаренко в адрес Н. В. Тимофеева-Ресовского, «замечательного ученого, которым по праву гордится наша и мировая наука» («Литературная газета», 27 января 1988).

Матерым спецом по облавным охотам на Зубров показал себя и доктор исторический наук А. Кузьмин («Наш современник», № 3, 1988). В статье «К какому храму ищем мы дорогу?» он ставит под сомнение многие научные достижения Зубра, как бы намекая на что-то предосудительное, отмечает, что Зубр часто печатался в соавторстве, что его идеалом была «сытая жизнь», что «ни родина, ни социальная справедливость» для него ничего не значили. И хотя в статье А. Кузьмина хорошо просматривается консультация одного из генетиков, научного недоброжелателя Зубра, это не освобождает доктора исторических наук от серьезной моральной ответственности за злонамеренные измышления.

Вот так, походя, стараясь как можно больнее ударить по Д. Гранину, оговаривают человека, которого уже нет в живых, которого совершенно не знают и который уже никогда не сможет ответить своим оппонентам.

Высокую оценку научному наследию Н. В. Тимофеева-Ресовского дали доктор химических наук Л. А. Блюменфельд, член-корреспондент АН СССР А. В. Яблоков, доктор физико-математических наук Ю. М. Свирижев, академик О. Г. Газенко («Наука и жизнь», № 2, 1988). Заслуги Н. В. Тимофеева-Ресовского признаны учеными всего мира. Он был награжден многими национальными и международными премиями и медалями.

Н. В. Тимофеев-Ресовский любил работать в содружестве, часто публиковался в соавторстве. Летом 1962 года нам довелось трудиться над «Словарем основных понятий и терминов эволюционной систематики и биогеографии». Мое участие в работе сводилось к составлению словника, подбору литературы, иногда подготовке черновых набросков. Словарь мы не закончили, хотя и успели дать определения примерно 150 понятиям. Определение таких понятий, как «ареал», «биогеография», «биогеоценоз», «биогеоценология», «биосфера», «вид», «видообразование» и др., занимало по нескольку страниц машинописного текста. После небольшого обсуждения Николай Владимирович диктовал текст статей, которые в дальнейшем почти не требовали правки. А ведь жанр словаря — один из наиболее сложных литературных жанров, он требует предельной четкости мышления, концентрации мысли, строгих дефиниций. Я был свидетелем колоссальной эрудиции Николая Владимировича, редчайшей памяти, могучей энергии и самобытно-глубокого взгляда на вещи. Таким, как правило, и был вклад этого «соавтора» во многие совместные публикации.

В повести Д. Гранина есть такие слова: «Зубр на докладах обычно подремывал, опустив голову, свесив губу. Когда действо кончалось, он открывал глаза и подводил итоги». Если в первой фразе заменить слово «обычно» на «иногда» — это непреложный факт, что подтверждает фотография (1961 г.). Справа от Зубра — Елена Александровна Тимофеева-Ресовская.

Анекдотически нелепы попытки А. Кузьмина обвинить Н. В. Тимофеева-Ресовского в искании «сытой жизни». По замечанию Г. Попова, Зубр пошел в науку, «когда из всех возможных занятий наука была самым невыгодным».

У Н. В. Тимофеева-Ресовского совершенно отсутствовало влечение к так называемым «благам жизни» — личным средствам, доходам, накопительству, приобретательству. За два года постоянного общения я ни разу не слышал от него ни о чем подобном. Это было следствием особого состояния его души, его пожизненного увлечения наукой. Его напряженная духовная жизнь требовала полнейшей самоотдачи, совершенно не оставляла места для подобных «материализмов».

Наука долгие годы оставалась для него «самым невыгодным занятием». Не имея нужных бумажек, степеней и званий, он, будучи заведующим лабораторией, получал какой-то совершенно неприличный оклад. Но никогда ни на что не жаловался, ни о чем не просил.

Волею исторических обстоятельств ему пришлось жить в нацистской Германии. Это беда его, а не вина. Чувство Родины не ослаблялось в нем ни на один день. Он прославлял отечественную науку, скрупулезно следил за нашими публикациями, хранил в специальных папках множество оттисков статей советских зоологов, составил собственную антологию русской и советской поэзии.

И все тяжелые годы ждал возможности вернуться на Родину.

Доктор экономических наук Г. Попов, высоко и предельно доброжелательно оценив личность и заслуги Зубра, тем не менее считает, что он оставил нам «урок недопустимости ухода от политики, недопустимости пассивного ожидания чего-то». Г. Попов ставит вопрос о мере ответственности Зубра и Зубров «за трагедии всего народа», за их примирение с ролью «политических винтиков» («Наука и жизнь», № 3, 1988).

Зубры жили в условиях чудовищной инквизиции и тотального страха, упрекать их в уходе от политики, а тем более говорить об ответственности «за трагедии всего народа» — несправедливо.

И после лагеря, и после ссылки Н. В. Тимофеев-Ресовский оставался пламенным трубадуром генетики, критиковал Лысенко и лысенковщину, говорил то, что думал. В его положении это было смертельно опасной политикой. Нет, гордый дух Зубров никому еще не удалось вытравить до конца. Не разумнее ли говорить об ответственности тех, кто Зубров уничтожал, кто создал такие невыносимые условия жизни, когда любое проявление гражданской активности могло привести к «исчезновению»?

Н. В. Тимофеев-Ресовский верил в активную роль разума, призывал к рациональной организации Земли. В наше время, когда многие писатели, журналисты, естествоиспытатели примкнули к сторонникам стратегии идеализации природы, Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский не побоялся ответственнейших практических рекомендаций по преобразованию природы, по перестройке биосферы. Его позиция в проблеме «природа и общество» четко выражена в публикуемой ниже статье «Биосфера и человек», она полностью соответствует стратегии обогащения природы, которую уже много лет разрабатывает и последовательно проводит в жизнь наш журнал.